

Часть II

Послепетровская империя и ее правители. 1725-1762

Возведение на престол Екатерины I

Итак, в ночь с 27 на 28 января 1725 года умер Петр Великий. Смерть 52-летнего императора была тяжелой и мучительной. Страшные физические боли не давали царю ни минуты передышки, они терзали его тело. Непокойна была его душа – он не знал, кому передать престол, поручить свое огромное, многотрудное дело. Восемь из одиннадцати детей Петра I и Екатерины умерли в раннем возрасте, остались только три дочери-цесаревны: 17-летняя Анна, 16-летняя Елизавета и 6-летняя Наталья. После гибели старшего сына царевича Алексея остался его сын, 9-летний внук Петра I великий князь Петр Алексеевич. Но Петр I не решился написать завещание в пользу одной из дочерей. Он опасался за их судьбу и не верил, что Анна или Елизавета удержат в своих слабых руках руль государственного корабля. Не хотел царь передавать престол и внуку Петру. Петр знал, что сын царевича Алексея пользуется особой любовью всех, кто ненавидит его реформы, ту новую Россию, которую царь создавал с таким трудом. Вступление на престол Петра II могло привести к власти в стране оппозицию, которая, по мнению реформатора, уже не пощадит плоды преобразований.

Ранее император, казалось бы, решил проблему передачи власти: согласно завещанию 1724 года наследницей становилась жена Петра – императрица Екатерина Алексеевна. Но, как уже было сказано выше, ее измена с Монсом заставила Петра отменить свое решение – он уничтожил завещание, написанное в пользу жены. До самой смерти царь надеялся на чудо, верил, что выживет, и не решался написать новое завещание. Умиравший царь только слабо отмахивался рукой, говоря столпившимся у его постели сановникам: «После, после! Я потом все решу!» Но этот момент так и не пришел. В 5 часов 15 минут утра 28 января 1725 года Россия осталась без своего повелителя.

Столь неопределенное, трагическое положение страны продолжалось недолго. Видя, что Петр Великий умирает, его ближайшие сподвижники – те, кто были выдвинуты царем не по знатности, а по «годности» – А. Д. Меншиков, П. А. Толстой, Ф. М. Апраксин, Феофан Прокопович и другие, решили захватить инициативу и

возвести на престол Екатерину. Тем самым они хотели удержать свою власть и воспрепятствовать приходу на трон внука Петра I, великого князя Петра Алексеевича, и его сторонников – князей Долгоруких и Голицыных. Замысел «худородных» вполне удался, так как они сумели привлечь на свою сторону гвардию – преображенцев и семеновцев. Для этого они не жалели ни денег, ни вина, ни обещаний. И вот сразу же после смерти Петра в зале Зимнего дворца собрались высшие сановники. Они ожесточенно спорили о том, кому передать трон, как вдруг за стенами дворца раздался грохот барабанов, и в окна дворца все увидели мелькание зеленых мундиров гвардейцев. Дворец был окружен, раскрасневшиеся от мороза и вина офицеры и солдаты повалили в зал. Все предложения «партии» сторонников великого князя Петра Алексеевича тонули в приветственных выкриках гвардейцев в честь «матушки-государыни» и бесцеремонных угрозах «расколоть головы боярам», если они не подчинятся Екатерине. Улучив подходящий момент, Меншиков, перекрывая шум, громко крикнул: «Виват, наша августейшая государыня императрица Екатерина!» «Виват! Виват!» – подхватили гвардейцы. «И эти последние слова – вспоминает голштинский министр Бассевич, – в ту же минуту были повторены всем собранием, и никто не хотел показать виду, что произносит их против воли и лишь по примеру других». Все быстро и бескровно кончилось – на престол взошла императрица Екатерина I. К восьми часам утра был оглашен манифест о ее воцарении, гвардейцам раздавали водку... Утро 28 января 1725 года Петербург встречал уже с новой государыней.

Императрица Екатерина I.

Заметки на полях

Двадцать восьмого января 1725 года гвардейцы впервые вышли на подмостки театра политики. Создавая в 1692 году два первых гвардейских полка, Петр Великий хотел противопоставить их стрельцам – привилегированным пехотным полкам московских царей, которые к концу XVII века стали вмешиваться в политику. «Янычары!» – так, уподобляя стрельцов турецкой придворной пехоте, презрительно именовал их Петр. Он навсегда запомнил два мятежа стрельцов в 1682 и 1698 годах и люто их ненавидел. Но не успел основатель и первый полковник Преображенского полка закрыть глаза, как его любимцы в зеленых мундирах превратились в новых янычар. История русской гвардии XVIII века противоречива. Прекрасно снаряженные, образцово вооруженные и обученные, гвардейцы всегда были гордостью и опорой русского престола. Их мужество, стойкость, самоотверженность много раз решали в пользу русского оружия судьбу сражений, кампаний, целых

войн. Не одно поколение русских людей замирало в государственном восторге, любуясь на «однообразную красоту» гвардейских батальонов во время их торжественного марша по Марсовому полю – главной площади военных торжеств в Петербурге.

Но была и иная, менее героическая страница в летописи императорской гвардии. Гвардейцы – эти красавцы, дуэлянты, волокиты, избалованные вниманием столичных и провинциальных дам, составляли особую привилегированную часть русской армии со своими традициями, обычаями, психологией. Главной обязанностью гвардии была охрана покоя и безопасности двора и царской семьи. Стоя на часах снаружи и внутри царского дворца, они видели изнанку придворной жизни, оборотную сторону волшебного для миллионов простых подданных бытия. Мимо них в царские спальни прокрадывались фавориты, они слышали сплетни и безобразные ссоры, без которых не мог жить двор. Гвардейцы не испытывали благоговейного трепета перед блещущими золотом и бриллиантами придворными, они скучали на пышных церемониях – для них все это было привычно, и обо всем они имели свое, часто нелюбимое мнение. Важно и то, что у гвардейцев было преувеличенное представление о своей роли в жизни двора, столицы, России. Между тем оказывалось, что «свирепыми русскими янычарами» можно успешно управлять. Лестью, посулами, деньгами ловкие придворные дельцы умели направить раскаленный гвардейский поток в нужное русло, так что усаженные красавцы даже не подозревали о своей жалкой роли марионеток в руках интриганов и авантюристов. Впрочем, как обоюдоострый меч, гвардия была опасна и для тех, кто пользовался ее услугами. Власть императоров и первейших вельмож нередко становилась заложницей необузданной и капризной вооруженной толпы гвардейцев. И вот эту будущую зловещую в русской истории роль гвардии пронизательно понял французский посланник в Петербурге Жан Жак Кампредон, написавший своему повелителю Людовiku XV сразу же после вступления на престол Екатерины I: «Решение гвардии здесь закон». И это была правда. XVIII век вошел в русскую историю как «век дворцовых переворотов». Все эти перевороты делались руками гвардейцев. Начало же мрачной традиции было положено глухой январской ночью 1725 года...

Государыня Екатерина I Алексеевна правила чуть больше двух лет – с января 1725 по май 1727 года. Началось ее царствование с грандиозных похорон Петра Великого в Петропавловском соборе Петербурга. Вся процессия похорон была торжественной и печальной. Она запомнилась современникам неумолчным звоном десятков колоколов, оглушительным грохотом орудий, заунывным пением сотен певчих. Петербург прощался со своим основа-

телем. Смерть Петра глубоко потрясла русских людей. Так часто бывало в России, когда умирал пусть и нелюбимый, но грозный, суровый правитель. Его считали отцом, благодетелем своих детей-подданных, которые без него чувствовали себя осиротелыми.